

DOI: 10.36340/2071-6818-2023-19-4-23-33

STAVROPOL MEMORIAL BY VUTKE IN THE CONTEXT OF THE HISTORICAL MEMORY CONCEPT

Summary: The 20th century showed the inconsistency of ideas about the predictability of historical processes, as a result of which the idea of the essence of humanitarian knowledge was subjected to rethinking. Consequently, some researchers come to the idea that the aim of historical science is to preserve historical memory. However, it is not the memory of past events; we are talking about a new type of memory. In this interpretation, memory has its own value as an object, and not just as a way of stor-

At the beginning of the 20th century, Russia was experiencing a radical transformation in all areas of the socio-economic and socio-political systems. The October Revolution gave this process an incredible impetus: during the severe crisis of the Civil War, on the one hand, all social institutions were destroyed very quickly, on the other hand, a new type of society started to emerge. In difficult economic conditions and during the uncertainty about the outcome of the Civil War and the prospects for Bolshevik power, in general, one of the first steps of the new government headed by V. Lenin was a plan for monumental propaganda, which was a total destruction of the monumental heritage and symbols of the past: renaming streets, removing signs of the tsarist regime from squares and erecting new monuments and symbols associated with the Russian and world revolutionary movement in their place. The obelisk in honour of the 300th anniversary of the Romanovs, erected in the Alexandrovsky Garden by architect S. Vlasiev and then redesigned into an obelisk in honour of revolutionary thinkers by architect N. Vsevolozhsky in 1918, is one of the famous and illustrative examples.

ing a large amount of knowledge about the past. The new methodology, which developed during the 20th century, allows us to look at many monuments of monumental art from a different point of view, as well as explain the fate of the Stavropol memorial, erected by O. Vutke in 1922–1923 and demolished in 1936.

Keywords: historical memory, monumental propaganda, architecture, O. Vutke, Stavropol memorial

The Bolsheviks turned out to be very consistent in implementing this policy, paying great attention to the process both in the centre and in the most remote cities of the country. A natural question arises: why, against the background of numerous and priority tasks facing the party leadership at all levels, was such close attention paid to this area? Why were military-political issues, development of war communism economy and construction of monuments among comparable tasks?

One of the possible answers to this question is based on the study of such a phenomenon as “historical memory”. This concept, formulated by M. Halbwachs¹ in 1950, is still controversial and is the subject of interdisciplinary research, arousing the interest of not only historians, anthropologists but also psychologists, sociologists, cultural experts and even literary scholars. In Western European philosophy of history and historiography, primarily in French and German ones, influential schools of research into historical memory were formed at the end of the 20th — beginning of the 21st centuries.

1. Halbwachs M., “Collective and Historical Memory.” Access mode: <https://culturolog.ru/content/view/3438/5> (access date: 08.05.2023)

Despite the noticeable conceptual and terminological differences in the content of “historical memory” concept, the authors of these concepts have been insisting that the main subject of history is not an event but the memory of it, more precisely, the image that was imprinted on the participants and contemporaries who lived through it. When the memory of witnesses of a historical event who have a connection with the “living past”, the so-called collective memory, which preserves only what “still lives or is capable of living in consciousness”², loses relevance and dissipates, historical memory begins to form. According to researchers, the process of construction/reconstruction of historical memory comes down to the fact that the memory of the past is recorded and then transmitted to immediate descendants and subsequent generations.

This problem of representing ideas about “historical truth” became the central theme of the works of philosopher and sociologist Pierre Nora. Not limiting himself to the development of the ideas of French sociologist M. Halbwachs, Nora, when developing his own concept, synthetically combined the developments of philosophers and historians of the second half of the 20th century (analysis of his works reveals the influence of the Annales school, structuralism of M. Foucault, etc.). Nora created an original concept of memory, formulating a new research program. In his works, the second half of the 20th century receives a name that speaks for itself — the “memorial era” or “worldwide triumph of memory”³; Nora went down in the history of science as the founder of the theory of “places of memory”. He is close to Halbwachs in his approach to interpreting the problem of collective memory and identity, as well as his understanding of the phenomenon of memory as a reconstruction of a model of the past. According to Nora, postmodern society replaces “authentic memories” with their “careful reconstruction”⁴. The so-called “places of memory” — memorial sites, museums, archives, etc., are the basic way to preserve historical memory.

Also, Nora distinguishes between “places of memory” and “memorials”, which are created by official communities and the state. Places of memory are symbols significant for the nation and events

of national history associated with them, which contribute to the self-identification of society and can form the basis of its unification. Memorials are places of official memory, a representation of official history, which Nora calls “places of unanimity in the absence of unity”⁵. He emphasises that in postmodern society, collective memory is formed by the state, its elite, operating on a certain historical and generational experience. They not only purposefully organise “places of memory” but pragmatically benefit by forming models of the past that are recorded in the collective consciousness. Collective memory, being subjective in nature, can be subject to “processing”, with the result that as soon as a historical event imprinted in the memory of social groups turns into a national holiday, it becomes a place of official memory. Thus, “places of memory” become one of the ways of identity formation.

There is no doubt that in the 20th century, during a period when society went through a number of serious sociocultural changes, the process of preserving the memory of a historical event took on a different character — it was not so much about preservation as about the semantic filling of historical memory in relation to some particular event.

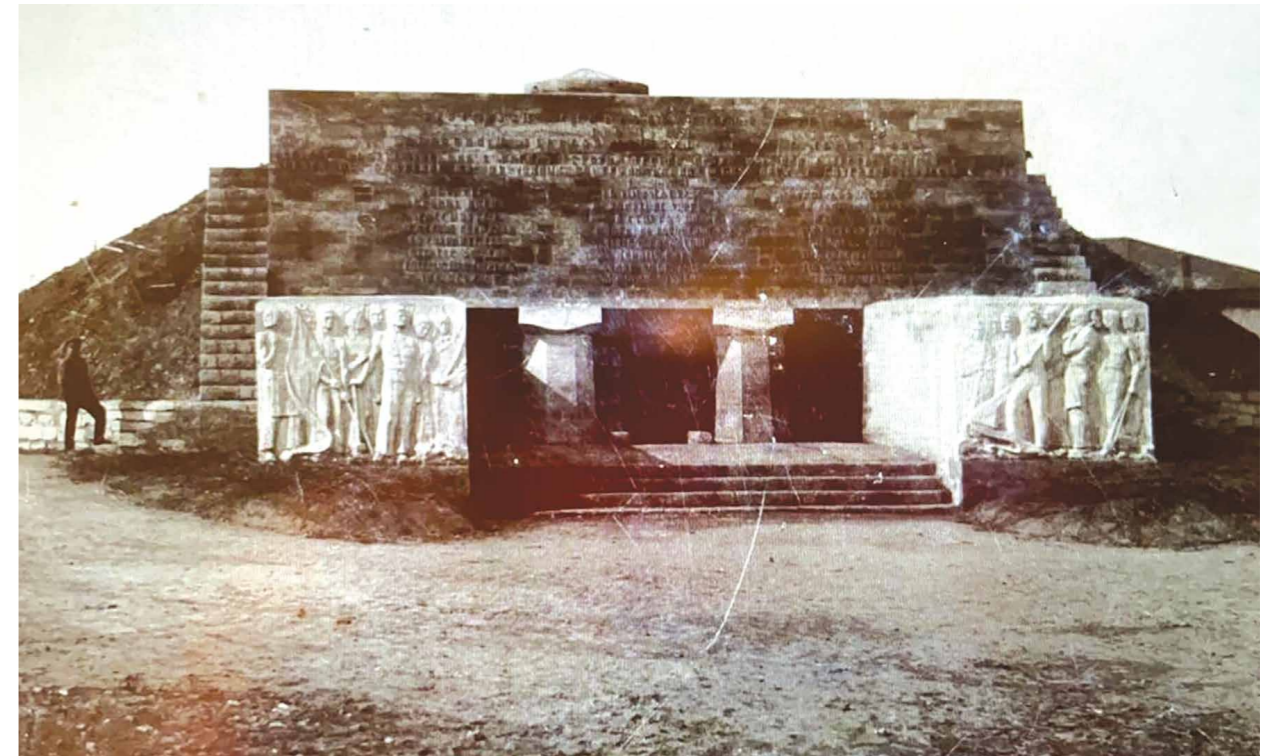
The above studies and concepts allow us to take a different look at a number of architectural monuments of the 20th century, including the history of the memorial erected on Alexandrovskaya Square in the centre of Stavropol in 1922–1923; it fell into disrepair by the mid-1930s and was demolished in 1936. The reasons for this attitude towards the memorial, which served as the resting place of more than 100 Red Army soldiers who died in the first years of the establishment of Soviet power (later, the crypt became a mausoleum for the secretary of the Stavropol provincial committee, I. Dunaev), are difficult to reliably establish. It can be assumed that there were some urban planning projects, with the implementation of which the memorial could have interfered; the cause of destruction and desolation could have been short-lived materials — for example, the foundation was built from quarry stone, bent rails served as ceilings for the vault, and the decor was cast from plaster. At the same time, it is difficult to imagine that the party authorities of the region would allow the complete destruction of an ideologically significant object only for the above

5. Ibid, p.29

2. Ibid

3. Nora P. “Worldwide Celebration of Memory” // *Emergency Reserve*. 2005. No. 2–3 (40–41). — P. 202

4. Nora P. “Between Memory and History. Problems of Places of Memory” // *France — Memory*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 1999. — P. 29

Ill. 1. Mass grave. The author of the memorial is O.A. Wutke. photo 1920s, Stavropol, Alexandrovskaya Square

reasons in a region where the establishment of Soviet power took place with great difficulty.

One of the most difficult periods in the Stavropol Territory occurred between 1918 and 1920: the heterogeneous social and ethnic composition of the population of the province provoked different sentiments and armed clashes, which complicated the formation of a unified government. As a result, the establishment of Soviet power was accompanied by Bolshevik terror against both the residents of the region and Cossack settlements⁶. The Terek armed uprising of the Cossacks was the response to Bolshevik policies, and Stavropol went from the Red Army to anti-Bolshevik military formations several times over the course of two years. In July 1918, in his note addressed to Stalin, Military Commissar of the Stavropol province Morozov reported: “Mass fluctuations are the face of the political structure of the entire province... It is difficult to instill the ideas of the struggle for poverty”⁷.

A year after the end of the Civil War in the South of Russia, there were still a large number of reports of cases of banditry, sabotage, and victims on both

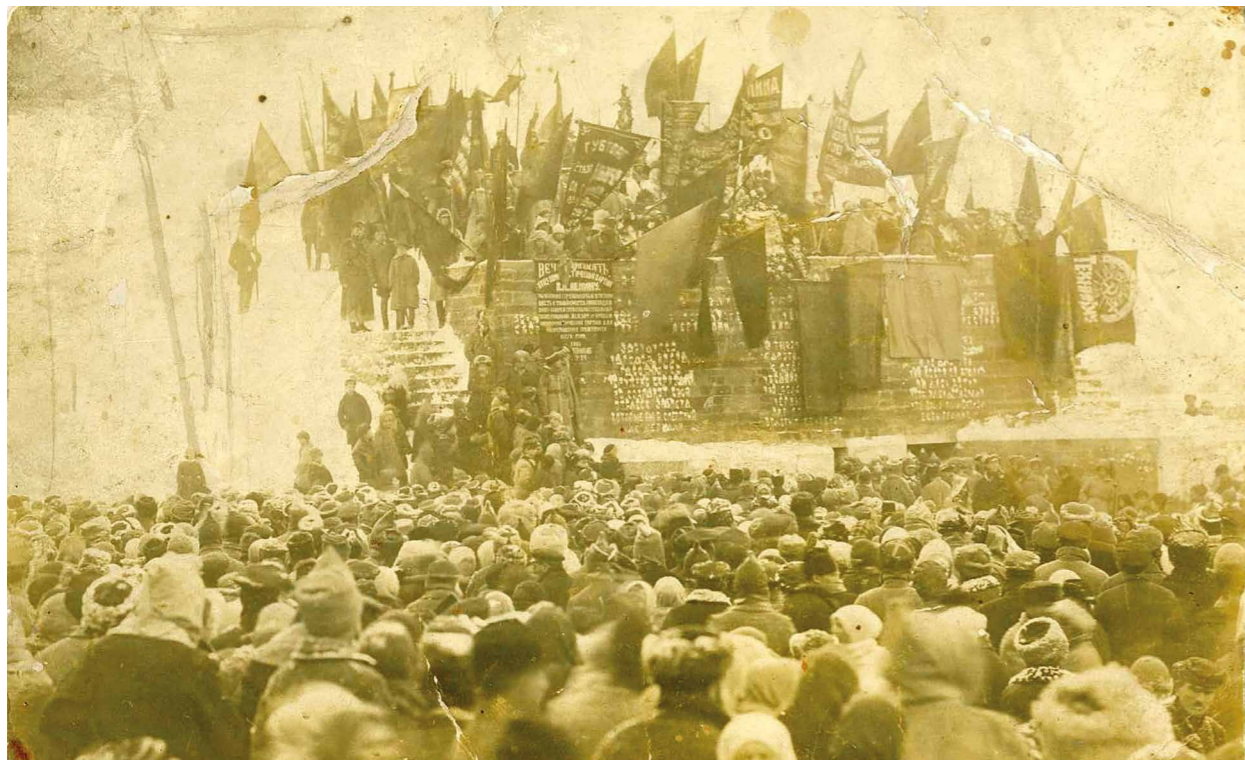
sides in Stavropol periodicals⁸ for 1921–1922. In a situation of political instability, a new government has a natural need to form a new type of consciousness among the population. For this purpose, the Stavropol Provincial Executive Committee decided to erect a memorial complex in the centre of Stavropol at the end of 1921 by analogy with the plan for monumental propaganda. Preference was given to the project of Moscow architect Oleg Wutke — one of the masters of the Soviet architectural avant-garde, author of the programmatic work of constructivism — the Smolensk Communal House, professor, dean of the Moscow Architectural Institute. The authorship of the memorial was previously traditionally attributed to another architect, and the creation of the bas-reliefs to architect Lavrov; however, a detailed analysis of the identified sources, as well as a careful study of the architect’s creative method, made it possible to correctly attribute the author of the monument⁹.

8. “On the Construction of the Monument” // *Power of the Soviets*. — 1922. — No. 787. — P. 3, “On the Construction of the Monument” // *Power of the Soviets*. — 1923. — No. 825, January 10. — P. 2, “On the Construction of the Monument at the Mass Grave” // *Power of the Soviets*. — 1923. — No. 855.

9. Shchekochikhina E. V. “The Problem of Authorship of the Memorial Monument-mound in Stavropol” // *Problems of Attribution of Works of Art*. Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference. — St. Petersburg: NIM RAH, 2022 — P. 332.

6. Sukhanova N. I. “Stavropol Region During the Civil War (1918–1929)” [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stavropolie-v-gody-grazhdanskoy-voyny-1918-1920-gg> (access date: 02.05.2022)

7. State Archive of the Stavropol Territory, fund 678, list 2, file. 43, p. 72.

Ill. 2. Photo from the collections of SGMZ of. 30131, photo 1920s

Vutke used motifs from various cultural memorial traditions — the burial was a spherical earthen mound with an internal gallery, the entrance to which was decorated with a kind of portico. The entrance opening was flanked by powerful cubic blocks. On these blocks, a monumental wide attic with carved inscriptions was installed. The mound was crowned with an oculus, or skylight, to which two narrow staircases led on either side to the top of the mound (Ill. 1).

It is difficult to talk about the internal structure of this space due to the absence of drawings or plans in Vutke's personal archive. However, it is known that the vault of the internal space was a ceiling of three rails supported by five half-pilasters and side abutments. According to the recollections of eyewitnesses cited by local historian G. Belikov, we can conclude that there was a human-sized sculpture depicting "either a Red Army soldier or a worker" inside the gallery under the oculus. Thus, a light beam could fall on it from above and create a powerful visual effect.

On May 1, 1923, the opening of a kind of pantheon of those who died "in the great battle of labour and capital"¹⁰ took place. The opening was accompanied by a mass meeting. The archival pho-

to shows a crowd of people, the solemnity of the decoration of the memorial; the number of banners is amazing (Ill. 2).

Analysis of this architectural object in its historical context allows us to say that the construction of the memorial was directly related to an attempt to form a new historical memory in the sense as Jan Assmann understands it, namely, an attempt to form the so-called cultural memory, which is the basis for identifying a group as a cohesive society, cultural memory — institutionalised, approved by the state, mythologizing the past of society, addressed primarily not so much to living witnesses of what is happening but always to descendants. It is this work "with material" that the Stavropol monument demonstrates to us, being living evidence of an attempt to form new attitudes through the organisation of a "place of memory" — a kind of mnemotope, a place of memory and burial of the bodies of "martyrs" for the new world, a place where oaths of allegiance to the common cause of the revolution were taken.

It is known that on the attic, above the entrance to the "crypt", poetic lines were engraved, which directly testify to the purpose of erecting this memorial — the formation of that very new cultural memory:

"The names of nations will be forgotten, useless tablets will crumble,

But the banners that you held at the hour of death will retain their shine.

In millennia, the memory of the steadfastness of past generations will not die,

Of those who overcame black oppression and brought the world to golden centuries...

We did not create the monument for ourselves, and not for those whose bones it preserves.

We just want our children to know

That the will of a collective is granite."

When working on a monument, in addition to the visibly embodied image of memory, the multi-layered nature of which we spoke above, the architect represents the idea of collective will through tightly welded multi-figure compositions of bas-reliefs. The images of workers and peasants — male figures with naked torsos, express the limit of physical and emotional stress. Thus, plastics become here an image of that very granite will of the collective, a symbol of resistance, determination and overcoming.

The entire figurative structure of the memorial works for the same idea of universal grandiose cohesion: the power of pure geometric volumes is visibly emphasised — the sphere-dome, monumental cubic elements, the huge rectangle of the attic raised high above them; the faceted plasticity of the columns, the rigid bend of the abacus enhances the impression. The volumes do not dominate each other; however, all elements have an even monumental perception, representing an ideally completed geometric architectural composition.

The inscription on the monument, the architectural design of the memorial and the artistic composition of the bas-reliefs — everything is subordinated to a single image, which has a complex structure of various elements: glorification of victims, understanding of man as a unit of socialist society, appeal to future generations. This image was supposed to form the basis of a new cultural memory that would unite society.

Nevertheless, as mentioned above, the burial site fell into disrepair, and the memorial was completely demolished in 1936. The ashes of those who died for the Soviets were transferred outside the city to the territory of Holodnyi Ruchey, where several honoured residents of Stavropol¹¹ were executed during the period of the Red Terror of 1918–1919. After 1945, a memorial complex appeared on this

site, dedicated to a completely different period of national history — the Great Patriotic War.

Thus, the history of the Stavropol monument clearly illustrates R. Koselleck's assertion that the factuality of a past event does not coincide with what actually happened in its totality. An attempt to present the events that actually took place in the Stavropol region as an ideologically biased commemorative element of the newly formed cultural memory failed.

The lack of clear reasons to explain the oblivion of the Stavropol mnemotope as well as modern research by specialists in the field of historical memory formation suggest that the reasons for the desolation of the memorial lay not in the area of technical problems but much deeper. In order to identify them, let us turn to the research of P. Ricoeur, who, having applied the methods of psychoanalysis to the study of the mechanisms of collective memory, introduced such concepts as trauma, loss, grief, and also defined three types of "wrong" memory: delayed, manipulated and memory with which "violent" actions were committed. Negative collective experiences associated with the collective loss of value concepts result in mourning ceremonies in which the nation unites. "It is precisely the bipolar structure of personal identity and communal identity that ultimately justifies the extension of Freud's analysis of grief to the trauma of collective identity. Here we can speak, resorting not only to analogy but also directly to the concepts of psychoanalysis, about collective traumatism, wounded collective memory."¹²

This methodological approach, applied to the Stavropol monument, offers an explanation of both the reasons for the construction and the subsequent oblivion of the Stavropol monument. The memorial was erected with the goal of uniting the population based on the heroics of the Civil War. However, it turned out to be impossible to do this since the Civil War itself split the country: "What creates glory for some is a reproach for others," which means that "for one side it is a triumph, for the other it is a curse"¹³. That is why, in the 1930s, the country's political leadership began to gradually look for factors that could form the basis of the "construct" of historical memory, which would not split but cement society, which would manifest in various aspects of the policy pursued by the country's leadership in

10. "Opening of the Monument at the Mass Grave" // Power of the Soviets. — 1923. — No. 913, May 1. — P. 2.

11. Surguchev I. D. *Bolsheviks in Stavropol*. — Rostov-on-Don: A. Popov, 1919. — P. 32;

12. Ricoeur P. *Memory, History, Forgetting*. — 2004. P. 116

13. *Ibid*, p.114

the field of science and culture. In this context, critical rethinking of academician M. Pokrovsky's historical concept and the literary fate of poet Demyan Bedny, who allowed himself to criticise the "Russian past" in his play, and other examples¹⁴ are indicative.

The memorial, erected in 1922–1923, during the period of the "ideological turn" — the formation of "national Bolshevism", could have turned out to be unnecessary, moreover, an ideologically harmful object. The transfer of the remains of the heroes of the

Civil War was accompanied by the construction of a new memorial after 1945 representing the theme of victory in the Great Patriotic War. Based on the traditional values of national culture: a military feat in the name of defending the Fatherland, the appeal to perpetuate the events of the Great Patriotic War really turned out to be a unifying factor that have been forming the basis for the development of national historical memory up to the present day.

REFERENCES:

1. State Archive of the Stavropol Territory, fund 678, list 2, file. 43, p. 72.
2. Gromov, E.S. 1998. *Stalin: Power and Art*, Moscow: Respublica, p.495.
3. "On the Construction of the Monument", *Power of the Soviets*, 1922, no. 787, p. 3
4. "On the Construction of the Monument", *Power of the Soviets*, 1923, no. 825, January 10, p. 2,
5. "On the Construction of the Monument at the Mass Grave", *Power of the Soviets*, 1923, no. 855.
6. Nora, P. 2005. "Worldwide Celebration of Memory", *Emergency Reserve*, no. 2–3 (40–41), p. 202
7. Nora, P. 1999. "Between Memory and History. Problems of Places of Memory", *France — Memory. St. Petersburg*, St. Petersburg University Publishing House, p.29
8. "Opening of the Monument at the Mass Grave", *Power of the Soviets*, 1923, no. 913, May 1, p.2.
9. Surguchev I.D. 1919. *Bolsheviks in Stavropol*, Rostov-on-Don: A. Popov, p.32;
10. Sukhanova, N.I. "Stavropol Region During the Civil War (1918–1929)" [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stavropolie-v-gody-grazhdanskoy-voiny-1918-1920-gg> (access date: 02.05.2022)
11. Halbwachs, M., "Collective and Historical Memory." Access mode: <https://culturolog.ru/content/view/3438/5> (access date: 08.05.2023)
12. Shchekochikhina, E.V. 2022. "The Problem of Authorship of the Memorial Monument-mound in Stavropol", *Problems of Attribution of Works of Art. Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference*, St. Petersburg: NIM RAH, p. 332.

14. Gromov E. S. *Stalin: Power and Art*, Moscow: Respublica, 1998, p.495.

Елена Владимировна Джалилова

аспирант факультета истории искусства
Российского государственного гуманитарного университета
e-mail: selenasch95@gmail.com
Москва, Россия
ORCID ID: 0000–0001–5960–1386

DOI: 10.36340/2071-6818-2023-19-4-23-33

СТАВРОПОЛЬСКИЙ МЕМОРИАЛ О.А. ВУТКЕ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация: Век XX показал несостоятельность идей о предсказуемости исторических процессов, в результате чего было подвергнуто переосмыслению представление о сущности гуманитарного знания. В результате часть исследователей приходит к мысли о том, что задачей исторической науки является сохранение исторической памяти. Но памяти не в качестве «воспоминания» о событиях прошлого, речь идёт о новом типе памяти. В этой интерпретации память имеет самостоятельную ценность в качестве объек-

та, а не только как способ хранения большого объёма знаний о прошлом. Новая методология, развивавшаяся в течение XX века, позволяет взглянуть на многие памятники монументального искусства с иной точки зрения, а также объяснить судьбу Ставропольского мемориала, возведённого О. А. Вутке в 1922–1923 годах и ликвидированного в 1936 году.

Ключевые слова: историческая память, монументальная пропаганда, архитектура, О. А. Вутке, Ставропольский мемориал.

Россия начала XX века переживала коренную трансформацию во всех областях социально-экономической и общественно-политической системы. Октябрьская революция придала этому процессу невероятную динамику: в ходе тяжелейшего кризиса Гражданской войны, с одной стороны, буквально на глазах разрушались все общественные институты, с другой стороны, зарождалось общество нового типа. В тяжелейших экономических условиях, в условиях неопределённости итогов Гражданской войны и, в целом, перспектив большевистской власти, одним из первых шагов нового правительства во главе с В. И. Лениным становится план монументальной пропаганды, который представлял собой тотальное уничтожение монументального наследия и символов прошлого: переименование улиц, удаление с площадей знаков царского режима и возведение на их месте новых монументов и символики, связанной с российским и мировым революционным движением. Одним из известных и показательных примеров является обелиск в честь 300-летия Романовых,

возведённый в Александровском саду архитектором С. А. Власьевым, переделанный архитектором Н. А. Всеволожским в 1918 году в обелиск в честь революционных мыслителей.

Большевики оказались очень последовательными в реализации этой политики, уделяя большое внимание процессу и в центре, и в самых удалённых городах страны. Возникает естественный вопрос: почему на фоне многочисленных и первоочередных задач, стоявших перед партийным руководством всех уровней, этой сфере уделялось столь пристальное внимание? Почему в числе сопоставимых задач оказываются военно-политические вопросы, построение экономики военного коммунизма и сооружение памятников?

Один из возможных вариантов ответа на этот вопрос базируется на изучении такого явления, как «историческая память». Это понятие, сформулированное в 1950 году М. Хальбваксом¹, до

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Режим доступа: <https://culturolog.ru/content/view/3438/5> (дата обращения 08.05.2023).

сегодняшнего дня является дискуссионным и составляет предмет междисциплинарных исследований, вызывая интерес не только историков, антропологов, но и психологов, социологов, культурологов и даже литературоведов. В западноевропейской философии истории и историографии, прежде всего во французской и немецкой, в конце XX — начале XXI века сформировались влиятельные школы по исследованию исторической памяти. Несмотря на заметные концептуальные и терминологические различия в содержании понятия «историческая память», авторы этих концепций настаивали и продолжают настаивать на том, что главным предметом истории является не событие, а память о нём, точнее, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников. Когда же память свидетелей исторического события, имеющих связь с «живым прошлым», так называемая коллективная память, сохраняющая только то, что «ещё живёт или способно жить в сознании»², теряет актуальность и рассеивается, начинает формироваться память историческая. Процесс конструкции/реконструкции исторической памяти, по мнению исследователей, сводится к тому, что память о прошлом фиксируется, а затем транслируется непосредственным потомкам, последующим поколениям.

Эта проблема репрезентации представлений об «исторической правде» стала центральной темой работ философа и социолога П. Нора. Не ограничиваясь развитием идей французского социолога М. Хальбвакса, Нора при разработке собственной концепции синтетически соединил наработки как философов, так и историков второй половины XX века (анализ его работ позволяет выявить влияние «Школы Анналов», структурализма М. Фуко и т. д.). П. Нора создал оригинальную концепцию памяти, сформулировав новую исследовательскую программу. Вторая половина XX века в его работах получает говорящее название «мемориальной эпохи» или «всемирного торжества памяти»³, а сам П. Нора вошёл в историю науки как основоположник теории «мест памяти». С М. Хальбваксом его сближает подход к интерпретации проблемы коллективной памяти и идентичности, а также понимание феномена памяти как воссоздания модели прошлого. Согласно П. Нора, общество эпохи постмо-

дерна замещает «подлинные воспоминания» их «тщательной реконструкцией»⁴. Базовым способом сохранения исторической памяти становятся так называемые «места памяти» — мемориальные места, музеи, архивы и т. д.

П. Нора различает также «места памяти» и «мемориалы», которые создаются официальными сообществами и государством. «Места памяти» — это значимые для нации символы и связанные с ними события национальной истории, которые способствуют самоидентификации общества и могут лечь в основу его объединения. Мемориалы — места официальной памяти, по сути — репрезентация официальной истории, которые П. Нора называет «местами единодушия при отсутствии единства»⁵. Он подчёркивает, что в обществе постмодерна коллективная память формируется государством, его элитой, оперирующей определённым историческим и поколенческим опытом. Они не только целенаправленно организуют «места памяти», но прагматично извлекают пользу, формируя модели прошлого, фиксирующиеся в коллективном сознании. Коллективная память, будучи по природе субъективной, может подвергаться «обработке», в результате чего историческое событие, запечатлённое в памяти социальных групп, превращается в общенациональный праздник, становясь местом официальной памяти. Таким образом, «места памяти» становятся одним из способов формирования идентичности.

Не представляет сомнения, что в XX веке, в период, когда общество проходило целый ряд серьёзных социокультурных ломок, процесс сохранения памяти об историческом событии приобретает иной характер — речь будет идти не столько о сохранении, сколько о смысловом наполнении исторической памяти в отношении какого-либо события.

Вышеприведённые исследования и концепции позволяют иначе взглянуть на целый ряд архитектурных памятников XX века, в том числе историю мемориала, возведённого в центре Ставрополя на Александровской площади в 1922–1923 годах, пришедшего в упадок к середине 1930-х и снесённого в 1936 году. Причины такого отношения к мемориалу, служившему местом упокоения более 100 красноармейцев, по-

гибших в первые годы установления Советской власти (позже склеп становится мавзолеем для секретаря Ставропольского губкома И. Дунаева), достоверно сложно установить. Можно предположить наличие каких-либо градостроительных проектов, реализации которых мемориал мог бы помешать, причиной разрушения и запустения могли стать недолговечные материалы — так, фундамент был возведён из бутового камня, перекрытиями свода служили согнутые рельсы, декор был отлит из гипса. При этом сложно представить, что партийные власти края допустили бы полное разрушение идеологически значимого объекта только в силу вышеуказанных причин в регионе, где установление Советской власти проходило и так с большим трудом.

Один из самых сложных периодов в Ставропольском крае пришёлся на 1918–1920 годы: разнородный социальный и национальный состав населения губернии провоцировал различные настроения и вооружённые столкновения, что усложняло формирование единого правительства. Как результат — установление власти Советов сопровождалось большевистским террором в отношении и жителей района, и казачьих поселений⁶. Ответом на большевистскую политику стало Терское вооружённое восстание казачества, а сам Ставрополь в течение двух лет несколько раз переходил из рук в руки от Красной Армии к противобольшевистским воинским формированиям. В июле 1918 года в своей записке на имя И. Сталина военный комиссар Ставропольской губернии Морозов сообщает: «Массовые колебания — вот физиономия политического уклада целой губернии... Трудно прививать идеи борьбы за бедноту»⁷.

Через год после окончания Гражданской войны на Юге России, в Ставропольских периодических изданиях⁸ за 1921–1922 годы всё ещё встречается большое количество сообщений о случаях бандитизма, саботажа и вредительства, а также жертвах с обеих сторон. В ситуации политической нестабильности у новой власти возникает закономерная необходимость форми-

рования у населения нового типа сознания. С этой целью, по аналогии с планом монументальной пропаганды, в конце 1921 года Ставропольский губисполком принимает решение о возведении мемориального комплекса в центре Ставрополя. Предпочтение отдаётся проекту московского архитектора Олега Алексеевича Вутке — одного из мастеров советского архитектурного авангарда, автора программного произведения конструктивизма — Смоленского дома-коммуны, профессора, декана Московского архитектурного института. Авторство мемориала ранее традиционно приписывалось другому архитектору, а создание барельефов — архитектору Лаврову, однако детальный анализ выявленных источников, а также внимательное исследование творческого метода архитектора позволили правильно атрибутировать автора монумента⁹.

О. А. Вутке использовал мотивы различных культурных мемориальных традиций — захоронение представляло собой сферическую земляную насыпь с внутренней галереей, вход в которую был оформлен своеобразным портиком. Входной проём был фланкирован мощными кубическими блоками. С опорой на эти блоки возносился монументальный широкий аттик с выбитыми надписями. Курган венчал окулус, или световое окно, к которому по обеим сторонам на вершину кургана вели две узкие лестницы (ил. 1).

Сложно говорить о внутреннем устройстве этого пространства в связи с отсутствием в личном архиве О. А. Вутке чертежей или каких-либо планов, однако известно, что свод внутреннего пространства представлял собой перекрытие из трёх рельс с опорой на пять полупилястр и боковые устои. По воспоминаниям очевидцев, которые приводит краевед Г. А. Беликов, можно заключить, что внутри галереи, под окулусом, стояла скульптура в человеческий рост, изображающая «то ли красноармейца, то ли рабочего». Таким образом, световой столб мог падать на неё сверху и создавать мощный визуальный эффект.

1 мая 1923 года состоялось открытие своеобразного пантеона погибших «в великой схватке труда с капиталом»¹⁰. Открытие сопровождалось

2. Там же.

3. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 202.

4. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 29.

5. Там же

6. Суханова Н. И. Ставрополье в годы гражданской войны (1918–1929 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stavropolie-v-gody-grazhdanskoj-voyny-1918-1920-gg> (дата обращения 02.05.2022).

7. ГАСК, ф. р. 678, оп. 2, д. 43, л. 72.

8. К постройке памятника // Власть Советов. 1922. № 787. С. 3; К постройке памятника // Власть Советов. 1923. № 825, 10 янв. С. 2; К сооружению памятника на Братской могиле // Власть Советов. 1923. № 855.

9. См. Щекочихина Е. В. Проблема авторства мемориального памятника-кургана г. Ставрополь // Проблемы атрибуции произведений искусства. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. СПб.: НИИ РАХ, 2022. С. 332.

10. Открытие памятника на Братской могиле // Власть Советов. 1923. № 913, 1 мая. С. 2.

массовым митингом. На архивном фото видно скопление народных масс, торжественность убранства мемориала, поражает количество стягов и транспарантов (ил. 2).

Анализ данного архитектурного объекта в его историческом контексте позволяет нам говорить о том, что возведение мемориала было напрямую связано с попыткой формирования новой исторической памяти, в том смысле, как её понимает Ян Ассман, а именно — попыткой формирования так называемой культурной памяти, которая является основой для идентификации группы как сплочённого общества, культурной памяти, институционализированной, утверждённой государством, мифологизирующей прошлое общества, обращенной в первую очередь не столько к живым свидетелям происходящего, но всегда — к потомкам. Именно эту работу «с материалом» демонстрирует нам Ставропольский монумент, являясь живым свидетельством попытки формирования новых установок за счёт организации «места памяти» — своеобразного мнемотопа, места памяти и погребения тел «мучеников» за новый мир, места, где приносились клятвы в верности общему делу революции.

Известно, что на аттике, над входом в «крипту» были выбиты стихотворные строки, которые напрямую свидетельствуют о цели возведения данного мемориала — формированию той самой новой культурной памяти:

«Забудутся народов имена, рассыпятся ненужные скрижали,

Но сохраняют свой отблеск знамена, которые вы в смертный час держали.

В тысячелетиях память не умрёт о стойкости ушедших поколений,

Чья воля одолела чёрный гнёт и мир довела до золотых столетий...

Не для себя мы памятник создали, и не для тех, чьи кости он хранит.

Мы лишь хотим, чтоб дети наши знали, Что воля коллектива — есть гранит».

Работая над памятником, кроме зримо воплощаемого образа памяти, о многослойности которого мы говорили выше, архитектор репрезентирует идею коллективной воли посредством крепко спаянных многофигурных композиций барельефов. Образы рабочих и крестьян — мужские фигуры, с обнажёнными торсами, выражают предел физического и эмоционального напряжения. Таким образом, сама пластика становится

здесь образом той самой гранитной воли коллектива, символом сопротивления, решимости и преодоления.

Весь образный строй мемориала работает на ту же идею всеобщей грандиозной спаянности: зримо подчёркивается мощь чистых геометрических объемов — сферы-купола, монументальных кубических элементов, высоко вознесённый над ними громадный прямоугольник аттика, а гранёная пластика колонн, жёсткий изгиб абаки усиливает впечатление. Объёмы не доминируют друг над другом, но все элементы имеют равное монументальное звучание, являя собой идеально законченную геометризированную архитектурную композицию.

И прямое посвящение на монументе, и архитектурное решение мемориала, и художественная композиция барельефов — всё подчинено единому образу, имеющему сложную структуру из различных элементов: героизация жертв, понимание человека как единицы социалистического общества, обращение к будущим поколениям. Этот образ должен был лечь в основу новой культурной памяти, объединяющей общество.

Тем не менее, как было сказано выше, захоронение приходит в запустение, а в 1936 году мемориал и вовсе сносятся. Прах погибших за Советы переносят за город, на территорию Холодного Ручья, где в период красного террора 1918–1919 годов были казнены несколько заслуженных жителей г. Ставрополя¹¹. После 1945 года на этом месте возникает мемориальный комплекс, посвящённый уже совсем другому периоду отечественной истории — Великой Отечественной войне.

Таким образом, история Ставропольского монумента наглядно иллюстрирует утверждение Р. Козеллека о том, что фактичность события прошлого не совпадает с действительно произошедшим в его тотальности. Попытка представить фактически происшедшие события на Ставрополье в качестве идеологически ангажированного коммеморационного элемента вновь формируемой культурной памяти потерпела неудачу.

Отсутствие внятных причин, позволяющих объяснить забвение Ставропольского мнемотопа, с одной стороны, а также современные исследования специалистов в области формирования исторической памяти, позволяют предположить,

11. Сургучев И. Д. Большевики в Ставрополе. Ростов н/Д: А. Попов, 1919. 32 с.

что причины запустения мемориала лежали не в области технических проблем, а много глубже. С целью их выявления, обратимся к исследованиям П. Рикера, который, применив методы психоанализа к исследованию механизмов работы коллективной памяти, ввёл такие понятия, как травма, утрата, скорбь, а также определил три вида «неправильной» памяти: задержанную, манипулируемую и память, с которой совершены «насильственные» действия. Негативные коллективные переживания, связанные с коллективной утратой ценностных понятий, выливаются в траурные церемонии, в которых объединяется весь народ. «Именно двухполюсная структура личной идентичности и идентичности общности в конечном счёте оправдывает распространение фрейдовского анализа скорби на травматизм коллективной идентичности. Здесь можно говорить, прибегая не только к аналогии, но и непосредственно к понятиям психоанализа, о коллективном травматизме, раненой коллективной памяти»¹².

Этот методологический подход, применённый к Ставропольскому памятнику, предлагает объяснение как причин возведения, так и последующего забвения Ставропольского монумента. Мемориал был возведён с целью объединения населения на основе героики Гражданской войны. Но сделать это оказалось невозможным, так как сама Гражданская война расколола страну:

«Что создаёт славу одним, для других — поругание», а значит, что «для одной стороны является торжеством, для другой — проклятием»¹³. Именно поэтому в 1930-е годы политическое руководство страны начинает постепенно искать факторы, которые могли бы лечь в основу «конструкта» исторической памяти, не раскалывающей, а цементирующей общество, что проявляется в различных аспектах политики, проводимой руководством страны в области науки и культуры. В этом контексте показательны критическое переосмысление исторической концепции академика М. Н. Покровского, литературная судьба поэта Демьяна Бедного, позволившего критиковать в своей пьесе «русское» прошлое и др.¹⁴

Мемориал, возведённый в 1922–1923 годах, в период «идеологического поворота» — формирования «национал-большевизма» — мог оказаться ненужным, более того — идейно вредным объектом. Перенос останков героев Гражданской войны сопровождался возведением после 1945 года нового мемориала, репрезентирующего тему победы в Великой Отечественной войне. Опираясь на традиционные ценности национальной культуры: ратный подвиг во имя защиты Отечества, обращение к увековечиванию событий Великой Отечественной войны действительно оказалось объединяющим фактором, легшим в основу формирования национальной исторической памяти вплоть до сегодняшнего дня.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ГАСК, ф. р. 678, оп. 2, д. 43, л. 72.
2. Громов Е. С. Сталин: власть и искусство. — М.: Республика, 1998. — 495 с.
3. К постройке памятника // Власть Советов. — 1922. — № 787. — С. 3.
4. К постройке памятника // Власть Советов. — 1923. — № 825, 10 янв. — С. 2.
5. К сооружению памятника на Братской могиле // Власть Советов. — 1923. — № 855.
6. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3 (40–41). — С. 202.
7. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция — память. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. — С. 29.
8. Открытие памятника на Братской могиле // Власть Советов. — 1923. — № 913. — 1 мая. — С. 2.
9. Сургучев И. Д. Большевики в Ставрополе. — Ростов н/Д: А. Попов, 1919. — 32 с.
10. Суханова Н. И. Ставрополье в годы гражданской войны (1918–1929 гг.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stavropolie-v-gody-grazhdanskoj-voyny-1918-1920-gg> (дата обращения 02.05.2022).
11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. — Режим доступа: <https://culturolog.ru/content/view/3438/5> (дата обращения 08.05.2023).
12. Щекочихина Е. В. Проблема авторства мемориального памятника-кургана г. Ставрополь // Проблемы атрибуции произведений искусства. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. — СПб.: НИМ РАХ, 2022. — С. 332.

13. Там же, с. 114.

14. Громов Е. С. Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998. 495 с.